

АЛЕКСЕЙ МИТРОФАНОВ

НЕФТЬ

В ОБМЕН НА ДЕВУШКУ

Алексей Валентинович Митрофанов

Нефть в обмен на девушку

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183783

Нефть в обмен на девушку/ Алексей Митрофанов. : Астрель; АСТ;

Москва; 2009

ISBN 978-5-17-061820-0; 978-5-271-25065-1

Аннотация

В один из приездов в Ирак, депутат российского парламента Александр Филатов в холле правительственной гостиницы «Эль-Рашид» встретил девушку. Тинни продавала сувениры в маленькой лавочке. Филатов пригласил девушку в номер, но ее не пустила охрана, а наутро вместо магазинчика сувениров Филатов увидел лавку, торгующую саблями, а вместо Тинни – усатого продавца, не говорящего по-английски.

Филатов понял, что стал участником игры. Саддаму явно от него что-то нужно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	48
Глава 7	59
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Алексей Валентинович Митрофанов

Нефть в обмен на девушку

Посвящается Зое

Все события, описанные в книге являются художественным вымыслом.

Глава 1

Депутат Александр Филатов посмотрел на часы – 14.25 – и стал складывать бумаги в папку. На его лице появилось что-то вроде улыбки. Причем это была не дежурная, хорошо отработанная мимика профессионального политика, а нечто вполне человеческое.

«Полчаса... Осталось всего полчаса...» – подумал он, предвкушая предстоящее удовольствие.

Вот он спускается вниз, выходит из Думы и оказывается на шумной, смахивающей на огромную витрину Тверской. Там, не торгуясь, берет такси до Хамовников и через двадцать минут уже входит в ничем не примечательный пыльный подъезд, где на последнем, пятом этаже старого дома без лифта за гулкой железной дверью его ждет два часа без-

мятежного покоя и удовольствия.

Пропев известный всему миру мотивчик во славу Билла Гейтса, погас экран компьютера. Филатов еще раз проверил, не оставил ли на столе лишних бумаг, убрал папку в сейф и щелкнул замком. Сегодня был четверг, самый лучший день недели: день, когда Филатов бросал все дела и позволял себе...

«Кажется, все», – констатировал он и направился к двери.

В кармане требовательно загудел телефон – не зазвонил, не запел, а именно загудел игрушечным паровозным гудком, даже стук колес слышался, как будто маленький поезд вот-вот выкатится из кармана. Филатов глянул на номер и тяжело вздохнул – звонил руководитель партии, Вождь, а вождям не положено говорить, что ты сейчас занят или собрался отдохнуть, вождям положено отвечать быстро и четко, с готовностью к подвигу в голосе.

– Александр Петрович, приветствую! – как всегда безапелляционно, сказал Вождь. – Завтра тебя ждут в Багдаде.

Филатов знал, о чем идет речь, знал, какие переговоры придется вести, все это обсуждалось на вчерашнем совещании у Вождя, но речь шла только о следующей неделе. Он еще раз посмотрел на часы – 14.30. Если бы можно было лететь напрямую в Багдад, то никаких проблем, но в режиме жестких санкций приходилось добираться через Иорданию. А это означало почти сутки в дороге.

– Через полчаса зайди ко мне, – продолжал Вождь, – надо

кое-что обговорить. Да, те документы, которые я давал почитать, захвати. Всё.

И Вождь повесил трубку, разом перечеркнув все надежды на короткий, но такой желанный отдых. Филатов еще раз тяжело вздохнул, вернулся к столу и вызвал секретаря, чтобы распорядиться насчет билетов, командировочных и прочего...

В первом классе Филатов летел один. Милая девушка, точно сошедшая с рекламы «Аэрофлота» советских времен, попыталась угостить своего единственного пассажира французским коньяком, но Филатов спросил простой русской водки и стакан томатного сока.

– А что будете кушать? – поинтересовалась стюардесса, сервируя столик.

– Без разницы, – равнодушно ответил Филатов, занятый своими мыслями.

«Сегодня Саддам может рассчитывать только на нашу партию. Это его единственная связь с миром. С подачи американцев Ирак обложили такими санкциями, каких, пожалуй, еще не было в истории. Причем им оказалось мало одной экономики – они ведь практически изолировали целую страну от всего остального мира! Никаких контактов, никакой информации. Черное пятно на карте, точно никакого Ирака вообще никогда не было. Рано или поздно это безобразие закончится, блокада ослабеет и в Ирак кинутся все – англичане, французы, те же американцы. ООН, ясное дело,

тоже в стороне не останется. Нефть есть нефть. Но сейчас наша позиция уникальна. Вождь правильно сказал: в такой ситуации оставаться в стороне не просто глупо – преступно. И дело не в любви к Ираку и Саддаму – просто, идя против всеобщего мнения, мы не только на деле показываем свое свободомыслие и независимость, мы выделяемся из общего политического стада и становимся чем-то большим, чем просто партия. Да, мы становимся субъектом мировой политики, а это совсем другое дело...»

Филатов допил свою водку и приступил к обеду. Несостоявшийся отдых был забыт, впереди ждала серьезная работа.

Амман встретил Филатова привычной жарой. Он вышел на улицу и, щурясь от яркого солнца, пошел вдоль шеренги застывших в ожидании такси. Дорога предстояла дальняя, и Филатов хотел выбрать надежного человека, полагаясь на приобретенный в подобных поездках опыт. Водители, сразу распознавшие выгодного клиента, обращались к нему на ломаном английском, обещая быструю и безопасную доставку в любую точку королевства. На первый взгляд они походили друг на друга как близнецы, но опытный глаз Филатова без труда выделил одного: «А вот и то что надо! Машина, скорей всего, своя и как минимум пятеро детей!»

– Куда едем, мистер? – спросил водитель, почтительно открывая дверь.

– В Ирак, – ответил Филатов. И они поехали...

Водителя звали Саид, и детей у него было не пятеро, а ше-

стеро. В остальном Филатов не ошибся – Саид вел машину аккуратно, избегал рискованных обгонов и не гудел на каждом шагу. Правда, мотор давал перебои и сзади что-то подозрительно стучало, но на лучшее здесь рассчитывать не приходилось. Покрутившись вокруг аэропорта, Саид выехал на трассу и прибавил газу. Впереди лежала долгая дорога через пустыню.

– В Ирак сейчас мало кто ездит, – сказал Саид. – А как хорошо там жили до войны! Саддам построил по всей стране ровные, широкие дороги. И, спрашивается, зачем? Чтобы по ним ездили американские танки?

– Зато по вашим дорогам американские танки далеко не уедут! – ответил Филатов. Он мог добавить, что королю Хусейну никто не мешает построить такие же дороги, но не захотел вступать в никчемную дискуссию. Каждый народ живет так, как хочет, и его, Филатова, это не касается. Нравится иорданцам их Хусейн – очень хорошо. В конце концов, не каждый король может похвастаться родством с самим пророком Мухаммедом, а нынешний иорданский был его потомком в сорок втором колене!

– А бензин у них теперь вообще ничего не стоит, – продолжал Саид. – Я слышал, что в Багдаде за доллар можно залить полный бак.

– И пару канистр в придачу, – усмехнулся Филатов. – Только там мало у кого эти доллары есть.

– Санкции... – многозначительно заметил Саид.

«Санкции! – подумал Филатов. – Вот в чем проблема. Богатейшая страна, нефти хоть залейся, а есть нечего. Непонятно, на что вообще рассчитывал Саддам, оккупируя Кувейт?»

И тут же сам себе ответил, что не в Кувейте дело, что американцы все равно нашли бы повод хорошенько прижать самое сильное государство Ближнего Востока. Тем более, что их главный арабский союзник – Саудовская Аравия только об этом и мечтала.

«У американцев с саудитами давняя любовь. Как говорил Жеглов, любовь с интересом. А саудитам Ирак кость в горле. Вот американцы им и помогли, не без пользы для себя...»

– Так я и говорю, – нарушил ход его мыслей голос Саида, – нам бы сюда их дороги и бензин по доллару!

– А Саддама тоже примете? – пошутил Филатов.

Ему совсем не хотелось разговаривать, но он знал, что ничто так не усыпляет водителя, как серо-желтая безжизненная пустыня, бегущая за окном. Так что приходилось поддерживать беседу, помогая Саиду сохранять бодрость.

Когда стемнело, на дорогу, точно спугнутые тараканы, выползли огромные чадящие цистерны. Они везли контрабандную иракскую нефть, везли вопреки всем санкциям и запретам. Те, что помощнее, решительно шли на обгон, не обращая особого внимания на встречную легковушку, и Саиду приходилось проявлять чудеса изворотливости, чтобы убежать от этих обезумевших монстров. К счастью, пока ему это удавалось.

На границу прибыли около полуночи. Филатов щедро рассчитался с многодетным отцом, за что был осыпан цветистыми восточными благодарностями, и пошел к невзрачной будке с надписью: «Пограничный пост Карам», подле которой скучали пограничники. При виде дипломатического паспорта они стали куда-то звонить, тихо переговариваться и с интересом поглядывать на Филатова, терпеливо ожидавшего, когда откроют полосатый шлагбаум. Он изрядно устал после перелета и многочасовой тряски, но виду не показывал, зная пресловутую арабскую неторопливость.

Наконец все вопросы благополучно разрешились и Филатов пересек границу. На иракской стороне его уже ждали. И не просто ждали, а встречали как почетного и уважаемого гостя, прибывшего по приглашению самого президента! Пограничники вытянулись как на параде, а молодой человек в штатском тотчас избавил Филатова от чемодана и повел к роскошному черному лимузину, стоявшему поодаль. При этом он оказывал «мистеру Филатову» всяческие знаки внимания: предлагал отобедать или хотя бы выпить кофе. Но Филатов предпочел сразу ехать в Багдад. Расположившись на широком кожаном сиденье, Филатов задремал под мерное урчание мощного мотора. Временами он просыпался и смотрел в окно, но там была только темнота...

Багдад встретил ночного гостя мрачными ущельями темных улиц и настороженной тишиной. Редкие машины, редкие прохожие, редкие огни в домах, город точно притаился,

ождая новых напастей. А вот и гостиница. Филатов сразу узнал «Эль-Рашид», где останавливался в прошлый приезд. Совсем недавно это был сияющий огнями дворец, а сейчас все выглядело мрачным и пустым. Впрочем, холл был, как и прежде, ярко освещен, швейцар так же почтительно открывал дверь, а две милые девушки на ресепшене при виде дорогого гостя как по команде встали и улыбнулись. Поднялся и сидевший в кресле господин средних лет в хорошем костюме.

– Рад видеть вас в Багдаде, мистер Филатов! – сказал он на хорошем русском, протягивая руку. – Доктор Аббас, ваш помощник.

Судя по всему, этот Аббас занимал достаточно высокий пост в иракских спецслужбах. Впрочем, это несколько не удивило Филатова: ведь он приехал по приглашению Президента, не просто Президента – лидера нации, приехал в тяжелое для страны время, а значит, работать с ним должен серьезный человек.

Аббас произнес все положенные при встрече слова и сказал, что завтра, то есть уже сегодня, приглашает Филатова на обед, после чего, пожелав дорогому гостю хорошо отдохнуть после трудной дороги, удалился. Филатов собрался было показать паспорт, но улыбающиеся девушки безо всякой волокиты вручили ему ключ от номера:

– Добро пожаловать в «Эль-Рашид», мистер Филатов!

Глава 2

Обед, о котором говорил Аббас, состоялся в одной из правительственных резиденций. Филатову понравилось, что это не современное здание, а старый дом типично арабской архитектуры: вокруг глухие стены, а все окна выходят во внутренний двор с апельсиновыми деревьями и фонтаном. В таком дворе без всякого кондиционера прохладно в любую жару. Сюда не доходит шум города, а ночью отсюда можно смотреть на удивительно яркие звезды, пока не заболит шея.

Принимал московского гостя вице-премьер Тарик Азиз – давний и верный сподвижник Саддама. Филатов сразу понял – это прелюдия к встрече с Президентом. В обеде также участвовали Аббас и два чиновника из МИДа, которые в основном молчали и вежливо улыбались. Стол накрыли прямо во дворе, и при желании можно было, не вставая с места, полакомиться спелым апельсином, собственноручно сорвав его с дерева.

Однако нужды в этом не было, поскольку обед был по-восточному обилен и разнообразен – настоящий арабский «мезе» из полусотни всевозможных закусок, красиво уложенных на множестве маленьких тарелочек. Филатов не раз пробовал нечто подобное, но здешний повар оказался истинным мастером своего дела. Впрочем, как это обычно и бывает на официальных обедах, большая часть поданных блюд оста-

лась нетронутой. Ведь сидящие за столом собрались не для еды, а для серьезного разговора.

Пили слегка разбавленный водой арак – из маленьких охлажденных во льду стаканчиков, которые меняли после каждого тоста. Потом какое-то французское вино, судя по пыльной бутылке и потертой этикетке, дорогое. То ли извлеченное из правительственных погребов, то ли доставленное в обход санкций. А завершилась трапеза традиционным арабским кофе, который почему-то называется во всем мире турецким, что, впрочем, нисколько не портит его вкуса.

Тарик Азиз говорил много и со вкусом: клеймил американцев и все мировое сообщество, потакающее их коварным планам, сетовал на бедственное положение страны и народа, обвинял соседние арабские страны в предательстве общих интересов. Однако за всем этим красноречием Филатов видел четко поставленную цель – добиться помощи у России. В первую очередь для снятия санкций. Это была задача первостепенной важности, для достижения которой Ирак был готов идти практически на любые условия.

Россию за этим столом представлял Филатов. Конечно, будь Вождь премьером или президентом, а он, Филатов, министром иностранных дел, все выглядело бы куда солиднее. Но для Ирака сейчас был важен любой контакт с внешним миром. С другой стороны, Филатов представлял Партию, которая уверенно победила на выборах и имела обширные международные связи. Так что разговор получился вполне

серьезный. В какой-то момент Филатов вдруг понял, кого напоминает ему высокопоставленный собеседник: «Да это же наш Микоян! Как там про него говорили? От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича! Уникальный политический долгожитель, удержавшийся во власти при всех наших лидерах...»

Филатов даже анекдот вспомнил: Микояну советуют взять зонтик, чтобы не промокнуть под сильным дождем, а он говорит: не надо зонтик, я так, между струйками проскочу. И ведь проскакивал...

«Ай да Тарик! Правильно говорят, что Саддам строит свою власть по сталинской модели. Вон, даже люди похожи...»

Впрочем, схожесть Тарика Азиза с известным советским политиком сути дела не меняла. Ирак просил помощи у России и сейчас, за этим столом, ждал от Филатова ответа. И Филатов уверенно отвечал: да, наша Партия сделает все возможное. Он понимал, что главный разговор еще впереди, но совершенно очевидно, что все сказанное сегодня станет известно Саддаму раньше, чем он вернется в пустой «Эль-Рашид». Поэтому, несмотря на привычку говорить достаточно свободно и не всегда дипломатично, Филатов тщательно взвешивал каждое слово.

Обед изрядно затянулся, так что вернулся Филатов только вечером. На прощание Аббас сказал ему:

– Надеюсь, вы довольны приемом, мистер Филатов?

– Пока все идет хорошо, доктор Аббас, – ответил Филатов.

Он знал, что спрашивать о встрече с Саддамом, ради которой, собственно, он сюда приехал, бесполезно. Время и место встречи никто никогда не знал. Ее ждали, к ней готовились, но окончательное решение принималось в последний момент лично Саддамом.

Считалось, что все это делалось исключительно ради безопасности высшего руководителя страны, но у Филатова на этот счет сложилось свое мнение: диктатор, а Саддам однозначно был диктатором, должен быть непредсказуем, как удар грома, и загадочен, как сфинкс. Он везде и нигде, он всемогущ и всеведущ, он не человек, но воплощение силы, он возникает из ничего, там, где его не ждут, безжалостно поражает врагов, поощряет друзей и так же неожиданно возвращается в не поддающиеся пониманию высшие сферы. Филатов, еще будучи студентом МГИМО, изучал истории великих лидеров и пришел к пониманию их сущности.

Впрочем, был один признак: перед ожидаемой встречей, примерно за сутки, гостя брали под усиленную охрану. Это вовсе не означало, что встреча состоится, но после появления людей в штатском вероятность ее возрастала. Об этом говорили все, кому приходилось встречаться с Саддамом, а Филатов слышал от Вождя. Так что расспрашивать Аббаса было бесполезно, и Филатов спокойно простился с ним в дверях «Эль-Рашида».

В холле было по-прежнему пусто. Филатов скользнул

взглядом по длинным рядам кресел безнадежно ожидающих гостей, и усмехнулся – санкции. Сколько раз он сегодня слышал это слово? Двадцать? Тридцать? И сколько раз еще услышит? Идти в пустой номер пока не хотелось, и Филатов решил выпить. Причем не арака, напоминавшего ему самогон, и не кислого вина, от которого до сих пор было противно во рту, а нормальной, хорошо охлажденной водки. В конце концов, на сегодня работа закончена.

«Депутат – он тоже человек, – усмехнулся Филатов, – и ничто человеческое ему не чуждо!»

Бар находился в дальнем углу холла, и по дороге туда пришлось пройти вдоль пестрого ряда сувенирных лавок, какие обычно устраивают в дорогих гостиницах для удобства постояльцев, не желающих тратить время на хождение по рынкам.

В лавках царило тихое уныние: нет покупателей – нет прибыли. Некоторые просто были закрыты. Сувениры Филатова не интересовали, и он, пожалуй, прошел бы мимо, если бы не девушка, сидевшая в одной из лавок. Ее лицо только мелькнуло между выставленными в витрине безделушками, но Филатову показалось, что никогда еще в арабском мире он не видел такой утонченной, неброской красоты. Он сбавил было шаг, но, чувствуя спиной взгляд Аббаса, который все еще с кем-то разговаривал в дверях, с независимым видом прошел мимо.

В баре кроме скучающего бармена был только один посе-

титель. Он сидел в дальнем углу и курил кальян. Что-то в его фигуре показалось Филатову знакомым. Он присмотрелся – да это же Кеган, Рудольф Кеган! Какими судьбами попал в осажденный Ирак мирный бизнесмен из Словении, Филатов не знал, но встрече со старым приятелем искренне обрадовался. А тот, блаженно раскинувшись в мягком кресле, ничего не замечал. Его кальян чуть слышно булькал, ароматный дым лениво расплзался вокруг.

Филатов подошел к бармену и спросил:

– Имеется ли здесь хорошая водка?

– О да, сэр! – Бармен поставил на стойку бутылку экспортной «Столичной». – Настоящая водка из России!

– Поместите ее в ведро со льдом и отнесите за тот стол, –

Филатов указал в угол, где сидел Кеган.

При виде Филатова Кеган поперхнулся дымом и вскочил:

– Александр?! Какими судьбами?!

– Да так, – улыбнулся Филатов, – мимо проходил...

Они обнялись и сели. Тут как раз и бармен подоспел с подносом, так что первый тост был за встречу. Водка действительно оказалась настоящей, а оливки выгодно подчеркнули ее благородный вкус.

– Ты, как всегда, делаешь политику? – спросил Кеган. – Серьезные игры серьезных людей?

– Почему бы и нет? – ответил Филатов, наливая по второй. – Сегодня наша Партия заняла исключительное положение.

– Знаю, читал. Какую газету ни откроешь – обязательно про вас пара слов.

– А тебе, я смотрю, наши лавры покоя не дают? Кеган замахал руками – куда, мол, мне с вами тягаться, потом посмотрел по сторонам и тихим голосом сообщил, что ищет способ как-нибудь подобраться к нефти. Ведь именно сейчас, в условиях жестких санкций, нефть можно купить очень и очень дешево. Они поговорили про санкции, про войну, про американцев, которые теперь, когда Советский Союз исчез с карты, совсем распоясались. Да и Саддам хорош – полез в войну, не просчитав последствий. Филатову было приятно видеть старого приятеля в чужом городе, приятно говорить на родном языке, который тот неплохо знал, приятно просто сидеть в полутемном баре и не спеша пить водку с хорошим человеком. Было в этом времяпрепровождении что-то от оставшихся в далеком прошлом веселых студенческих вечеринок. Поговорив о политике, снова вернулись к бизнесу.

– Но ты понимаешь, что вывезти эту дешевую нефть из Ирака не просто? – заметил Филатов. – Иначе она не была бы такой дешевой.

– Закон рынка, – согласился Кеган. – Но мне подсказали, с кем надо договориться, чтобы все получилось. Есть один человек...

– Саддам?

– Тихо, тихо, – Кеган испуганно посмотрел по сторонам.

– Да брось ты, – усмехнулся Филатов. – В баре никого, кроме нас, нет. Да и русский язык здесь мало кто понимает.

– Надо будет – поймут!

– А кому это надо? Думаешь, они не знают, зачем ты приехал? Или им самим не надо заработать немного денег? Да иракцы спят и видят, когда снимут эти чертовы санкции!

– Оно, конечно, так...

Филатов поднял бутылку и с удивлением обнаружил, что в ней почти ничего не осталось. Он призывно помахал бармену и, когда тот подошел, многозначительно указал на возникшее недоразумение. На столе появилась вторая бутылка – тоже запотевшая и тоже в ведерке со льдом.

– Скажу только тебе, Алекс, – немного заплетающимся языком сказал Кеган, – про нефть надо говорить с министром промышленности Хусейном Камелем.

Филатов знал, что Хусейн Камель женат на дочери Саддама Хусейна и является одним из его доверенных лиц. Если Кеган не ошибается, то нефтяные вопросы поручили именно ему.

– Знать-то знаю, – Кеган развел руками, – но я сижу в Багдаде вторую неделю.

– И что?

– И ничего, – Кеган опять развел руками. – То он еще не приехал, то уже уехал, то очень занят. Я понимаю – на Востоке не принято торопиться, но так бизнес не сделаешь.

«Странно. Им ведь деньги сейчас позарез нужны. Чего,

спрашивается, тянуть? – Филатов вспомнил вереницу чадящих цистерн на иорданском шоссе. – Да, санкции санкциями, а лазейку всегда найти можно!»

Глава 3

– Пожалуй, я пойду, – не без труда выговорил Кеган. – Или тебе придется тащить меня в номер.

– Делов-то, – усмехнулся Филатов, который и сам чувствовал легкое головокружение. – Русские своих не бросают!

– Знаю, дружище, знаю... – Кеган с трудом встал. – За это мы вас и любим.

И он ушел, покачиваясь и цепляясь за мебель. Филатов проводил его взглядом и пробормотал:

– Любите, говоришь? Любите... Странная только любовь у вас получается!

Ему вдруг стало ужасно обидно за вечную несправедливость в отношении России: «Как кому плохо – все к нам бегут. Спасите! Помогите! Слава России, слава русским! Братья, мол, навек. И мы каждый раз – ура! Кровь прольем, последнюю рубаху снимем, а в беде не оставим! Сколько раз на эти грабли наступали... А как все нормально, так они сразу нос воротят. Мы, мол, люди цивилизованные, вам, дикарям, не чета! И ладно, если бы просто спасибо не сказали, а то давай грязью поливать! То ли дело американцы – делают только то, что им самим выгодно, и плюют на всех остальных со своего «Эмпайр стейт билдинг», будь он неладен...»

Филатов сердито допил водку. Неожиданно в его голове невероятно четко всплыл образ девушки из сувенирной лав-

ки. Той самой, что он мельком видел по дороге в бар. Филатов посмотрел на часы – еще десяти нет. Представил огромный пустой номер, темноту за окном, долгий скучный вечер.

«А почему бы российскому депутату не пообщаться накоротке с простой арабской девушкой? – подумал он. – Все веселей будет, чем телевизор смотреть!»

Можно было, конечно, выпить еще водки. Или покурить кальян, вроде того, каким наслаждался Кеган перед его приходом. Но водки больше не хотелось, после кальяна будут сниться дурацкие сны – такое уже случилось с Филатовым. Ему потом объяснили: при кажущейся легкости один выкуренный кальян заменяет целую пачку крепких сигарет. Для человека некурящего многовато. А вот девушка сейчас будет в самый раз...

При виде покупателя девушка сразу встала, и Филатов увидел, что она выше его ростом почти на полголовы. Он пришел в полный восторг – по непонятной даже себе причине Филатов имел слабость к высоким женщинам.

– Добрый вечер! – сказала девушка на прекрасном английском. – Могу я вам что-нибудь предложить?

«Себя! – подумал Филатов, которому хозяйка лавки понравилась еще больше. – И я не откажусь!»

– Вы можете выбрать очень красивые сувениры, – девушка улыбнулась, – и совсем недорого.

– Сувениры – это хорошо! А что недорого, так это просто здорово, – Филатов прошелся вдоль прилавка, для порядка

повертел в руках какую-то шкатулку, украшенную перламутром, и повернулся к девушке: – Кстати, меня зовут Александр!

– А меня Тинни. Это лавка моего отца.

– И как идет торговля, Тинни? – Филатов попробовал имя на вкус, он всегда так делал с именами женщин, и имя ему понравилось.

– Совсем нет покупателей. После того как ввели санкции, иностранцы перестали ездить в Ирак.

Она вышла из-за прилавка, Филатов невольно скользнул взглядом по ее ногам – ноги оказались хороши. Девушка одернула юбку и опустила глаза.

«Она еще и скромница! – В слегка замутненном алкоголем сознании Филатова замелькали заманчивые картинки. – Ай да Тинни!»

– Вы хорошо говорите по-английски, Тинни. Пожалуй, даже правильное меня.

– Я училась в Лондоне. Наша семья жила там несколько лет. До войны бизнес приносил почти пятнадцать тысяч долларов в месяц.

– Хороший доход.

– Конечно. Мы ездили за границу, построили новый дом – большой, красивый. А потом... – Девушка замялась.

– Потом начались санкции и торговля зачахла, – подсказал Филатов, подходя поближе.

– Но в остальном все хорошо. Мы верим, что рано или

поздно мир одумается и перестанет терзать нашу страну.

Филатов заметил в глазах Тинни предательский блеск. Он представил себе, как тяжело было такой красивой девушке, привыкшей к достатку и комфорту, разом лишиться всего.

– Все будет в порядке, Тинни!

– Конечно, Александр. Спасибо вам.

Филатов еще раз посмотрел на девушку: «До чего же хороша, особенно сейчас! Эта печаль в глазах, неуверенная улыбка и руки, которые не находят себе места. Нет, я без нее в номер точно не пойду!»

– Думаю, сегодня покупателей больше не будет, – уверенно сказал Филатов. – Так что позвольте пригласить вас в гости.

– В гости? – растерялась Тинни. – Куда?

– Ко мне в номер. Сядем, поговорим, шампанского выпьем. Устроим себе маленький праздник.

– Мне кажется, это не слишком удобно...

– Вы мне не доверяете? – Филатов шутливо нахмурился.

– Но мы ведь почти знакомы...

– Так давайте знакомиться! Вы Тинни, я Александр. У вас семейный бизнес и своя лавка в «Эль-Рашиде», а я депутат российской Государственной думы. Так что сами видите – мы всё друг о друге знаем.

– Я сразу поняла, что вы из России. Россия очень поддерживает нас.

– Тем более! Если бы я был, скажем, французом или ан-

гличанином, то вам, конечно же, не стоило бы принимать такое приглашение. Я уж не говорю про злобного янки. С этими прохвостами даже разговаривать не стоило бы. Но отказывать гостю из далекой России нельзя.

И Филатов бросил на девушку свой красноречивый взгляд.

– Хорошо... – чуть слышно сказала Тинни. – Но мне надо закрыть лавку.

– Закрывайте, – великодушно согласился Филатов и взял Тинни за руку. – И поднимайтесь ко мне. Номер семьсот первый.

Девушка попыталась высвободить руку, но сделала это совершенно неубедительно.

– Седьмой этаж, – уточнил Филатов и зачем-то добавил: – Можно на лифте подняться.

На том расстались – Тинни стала убирать свои безделушки, а Филатов поспешил обратно в бар. Там он купил бутылку самого лучшего шампанского, какое только нашлось, выпил прямо у стойки рюмку водки и пошел к лифту. Проходя мимо лавки Тинни, он заметил, что девушка почти закончила. Значит, скоро будет в его, Филатова, номере. А может быть, и в постели... Да какое там может быть, точно так оно и будет! Филатов прибавил шагу и, не глядя больше по сторонам, погрузился в лифт.

Оказавшись в номере, Филатов первым делом сунул шампанское в холодильник. Потом сполоснул для свежести лицо

и привел в порядок изрядно взлохмаченную шевелюру – в депутате все должно быть прекрасно. Не осталась без внимания и спальня – Филатов безжалостно запахал в шкаф разбросанные вещи и приготовил постель, призывно откинув покрывало. А Тинни все не было. Постепенно возбуждение спало, и в голове завертелись тревожные мысли: «Тинни красивая девушка, слов нет. И высокая. Но она наверняка связана со спецслужбами! Иначе никто не пустил бы ее торговать в правительственном «Эль-Раши-де». Здесь как в Советском Союзе при Сталине – случайных людей не бывает. У нас ведь тогда все, кто контактировал с иностранцами, работали на органы. И здесь то же самое...»

Филатов встал под кондиционер, наслаждаясь струей холодного воздуха.

«Значит, наш разговор в лавке записан. Это раз. Посиделки в номере тоже запишут. Это два. Правда, Ирак не Иран, тут за прелюбодеяние камнями забрасывать не станут, но нервы попортить могут. А главное – со стороны Тинни нет никакого увлечения, а только постылая служебная необходимость...»

Филатов подумал еще немного о неприятном, а потом решил, что все это ерунда. Он свободный человек и может поступать как ему заблагорассудится. А мнение по этому поводу спецслужб, тем более иракских, его не волнует. Законов он не нарушает и нарушать не собирается, так что будьте любезны, господа в штатском, выйти вон! А записи из его

спальни слушайте перед сном вместо вечерней сказки. Что же касается Тинни, то какая, в конце концов, разница, из каких побуждений она придет в номер? Главное, что она придет...

«И пусть только попробуют выступить! Я им устрою такое представление с разоблачением и наказанием, что мало не покажется, – подумал не без злорадства Филатов. – Пожалуюсь лично Саддаму Хусейну! Да, именно ему! Прямо так и скажу: что же это, господин президент, делается? Не дают вашему гостю спокойно отдохнуть, своевольничают, не в свое дело лезут! То-то они тогда попляшут...»

Филатов посмотрел на часы – за прошедшие полчаса Тинни могла десять раз подняться на седьмой этаж и дойти до его номера. Даже не пользуясь лифтом. Однако ее до сих пор не было. Неожиданно зазвонил телефон.

– Это Александр? – раздался в трубке взволнованный голос.

– Тинни?! – воскликнул Филатов. – Куда ты пропала?

– Меня не пропустили. У вашего номера охрана...

– Что ты говоришь? Какая охрана?!

– Извините, Александр, – ответила Тинни, – но сегодня ничего не получится...

– Это еще почему?! Сейчас я обо всем договорюсь и спущусь за тобой. Жди в холле и никуда не уходи!

– Не надо... – Тинни пыталась сказать что-то еще, но Филатов уже бросил трубку и поспешил к двери.

В коридоре действительно маячил здоровяк в черном костюме. При виде выскочившего из номера Филатова он остановился и равнодушно посмотрел на депутата.

– Это вы не пропустили девушку? – строго спросил Филатов.

Охранник равнодушно посмотрел на депутата и ничего не ответил.

– В чем дело? Кто дал вам право останавливать моих гостей!

В голосе Филатова зазвенел металл, глаза вспыхнули гневом, но страж никак не прореагировал на праведное возмущение дорогого гостя – как будто его вообще не было в коридоре.

– Кто здесь главный? Я хочу с ним поговорить! Ответом снова были молчание и холодный взгляд сытого удава. Филатов от души выругался на родном языке, но и это не возымело действия.

«Бред какой-то! Не могли найти для единственного в гостинице иностранца англоговорящего охранника! Ну ничего, я им покажу...»

Филатов решительно пошел к лифту, на ходу доставая телефон, чтоб немедленно, прямо сейчас высказать свое недовольство Аббасу.

«Только бы Тинни дождалась меня и не ушла! Я ее сам проведу, и пусть хоть кто-нибудь попытается меня остановить! Особенно этот...» – Филатов посмотрел на ненавист-

ную фигуру у двери и сбавил шаг.

«Стоп! Когда я поднялся в номер, никакой охраны не было. То есть ее выставили буквально полчаса назад. А что это значит? Это значит, что завтра меня повезут к Саддаму! Как же я сразу не догадался...»

Филатов остановился и сделал вид, что смотрит в темное окно.

«На сегодня скандал отменяется. Кобеляж тоже. Хорошо я не успел никуда позвонить...»

Филатов еще постоял у окна и с независимым видом вернулся в номер. И только там, когда возбуждение и гнев поутихли, он вдруг понял главное. То, ради чего, возможно, стоило пережить неприятное завершение приятного вечера: Тинни не связана со спецслужбами! И в номер к Филатову она собиралась прийти не по приказу начальника, а добровольно, можно сказать от души. Иначе разве бы ее остановила охрана? Да ее бы под ручки проводили, дверь подержали и в кровать уложили!

«Хорошая девушка Тинни! – подумал Филатов. – Завтра же зайду к ней».

Глава 4

Однако на следующий день Филатова ждал неприятный сюрприз. Сразу после завтрака он посетил лавку Тинни, но вместо милой девушки там сидел мрачный мужик с вислыми усами и читал газету. Филатов растерянно вышел и осмотрелся – да, это именно та лавка, в которой они вчера познакомились. Правда, вместо шкатулок, кальянов, кожаных бумажников и прочей дребедени в витринах висели сабли. Филатов, все еще не осознавая случившегося, снова зашел внутрь. Мужик отложил газету и спросил:

– Вы кого-то ищете, сэр?

– Да, – ответил Филатов, – здесь вчера была девушка. Тинни.

– В моей лавке? Не думаю.

Усатый пожал плечами, не видя смысла в продолжении разговора, опять взялся за газету.

– Вчера здесь была ее лавка! – начал сердиться Филатов.

– Вы что-то путаете, сэр. Я давно здесь торгую – спросите кого угодно. И не знаю никакой Тинни.

И тут Филатова осенило: «Тинни арестовали! Как же я сразу не догадался! Она пыталась пройти ко мне в номер, но там оказался охранник. А потом, когда она спустилась в холл, ее уже ждали. У нее еще голос был взволнованный, когда она мне звонила...»

Теперь все встало на свои места – сразу после ареста Тинни лавку ликвидировали, завезли никому не нужные сабли и посадили своего человека. И это было убедительным подтверждением, что Тинни не имеет к ведомству Аббаса никакого отношения. Она просто красивая девушка, попавшая в неприятную ситуацию.

«Разве стал бы нормальный торговец читать газету, когда в лавку зашел покупатель?! Тем более здесь, в Багдаде. Да он бы вцепился мертвой хваткой – купи саблю! А этот пень пнем сидит. Точно из органов! Плохо дело...»

Филатову было искренне жаль Тинни, которая в общем-то по его вине попала в беду, но он надеялся, что сможет ей помочь. Во всяком случае он не будет делать вид, что ничего не случилось!

«Тут ведь как при Сталине. Был человек, и нет человека. И семью репрессировать могут. Лавку вон уже отняли. Надо обязательно с Аббасом поговорить. Лучше после встречи с Саддамом, если она сегодня состоится. Я, в конце концов, не шпион какой-нибудь, а его личный гость!»

Вернувшись в номер, Филатов переоделся в официальный костюм, тщательно завязал галстук, чтобы узел был ровным и аккуратным, причесался и почистил ботинки. Документы еще в Москве были сложены в элегантную кожаную папку с аббревиатурой Партии, но Филатов на всякий случай еще раз проверил, все ли на месте. Оставалось позвонить в Москву и доложить Вождю, что сегодня должна состояться исто-

рическая встреча с Президентом. Вождь пожелал удачи и дал последние ценные указания, без которых почему-то не может обойтись ни один руководитель. В какой-то момент Филатову захотелось рассказать про историю с Тинни, но он вовремя спохватился – никакой помощи в такой ситуации из Москвы не получишь, а репутацию можно испортить.

«Сам вляпался, сам и выберусь!» – решил Филатов и бодрым шагом покинул номер.

Аббас, явно взволнованный предстоящим мероприятием, ждал в холле. Они погрузились в тот же лимузин с широкими кожаными сиденьями и поехали.

– Сегодня мы с вами посетим наш исторический музей, – сказал Аббас.

– С удовольствием, – отозвался Филатов. – А после музея?

– На все воля Аллаха, Александр.

– Или президента...

Филатов улыбнулся, но лицо Аббаса осталось напряженным, а пальцы на подлокотнике слегка подрагивали. А когда зазвонил телефон, он так быстро схватил трубку, что едва не выронил ее. Филатов не знал арабского языка и не понял, о чем шла речь, но, судя по тому как напрягся Аббас, звонок был важным.

– Все нормально? – спросил Филатов.

Аббас кивнул и отдал короткую команду водителю. Тот сбавил ход, развернулся, скрипнув шинами и, разгоняя редкие машины требовательным гудком, помчался обратно. Фи-

латов в общих чертах представлял себе карту Багдада и сразу понял – музей на сегодня отменяется. Однако не отказал себе в удовольствии поддеть Аббаса, на которого злился из-за Тинни:

– Ваш водитель не знает, как проехать в исторический музей?

– Почему вы так решили?

– Сначала он ехал в одну сторону, потом по вашему совету повернул в другую. Разве не так?

– Не волнуйтесь, он отлично знает дорогу.

– Я понял, исторический музей переехал. У нас в Москве тоже так бывает – был музей, а стал офис. И никто ничего не знает...

И Филатов доверчиво посмотрел на Аббаса, отчего его лицо совсем окаменело. Между тем лимузин свернул с проспекта, не снижая скорости, проехал через жилой квартал и выскочил на набережную Евфрата. Филатов невольно залюбовался рекой, которая спокойно струилась в своих берегах, не обращая внимания на людскую суету.

«Сколько сотен веков прошло, а река все течет и течет! – с уважением подумал депутат. – И никакие санкции ее не волнуют. Совсем как наша Волга, только вода желтая...»

Додумать умную мысль не удалось – реку закрыл высокий белый забор, за которым виднелись вершины пальм и нестерпимо блестящая на солнце причудливая крыша. Потом в стене открылся проход, машина плавно свернула во

внутренний двор и замерла перед вторыми воротами. Филатов понял – его привезли в один из дворцов Саддама. Правда, это еще не гарантировало встречи, потому что хозяин мог в последний момент передумать.

Филатов всегда считал себя человеком спокойным. Он мог сколько угодно препираться с товарищами по Партии, ругаться до хрипоты с противниками и даже устраивать скандал в прямом эфире. Но все это он делал, не теряя внутреннего душевного равновесия. Внешние проявления эмоций, пусть самые бурные, всегда контролировались и соизмерялись. Короче говоря, Филатов делал и говорил только то, что считал нужным в данный момент сделать и сказать. Чем всегда гордился.

Но сейчас он невольно почувствовал волнение. Конечно же, ему, российскому депутату, здесь ничто не грозило, но сама мысль о встрече с настоящим живым диктатором холодила сознание. Филатов со студенческих еще лет пытался понять, что есть власть, возможно, за этим он и пошел в политику. И сейчас ему предстояло встретиться с одним из тех, кто понимал во власти толк и умел крепко держать ее в руках.

«Саддам не одно десятилетие железной рукой правит целой страной, причем страной арабской, – подумал Филатов, – страной, пережившей за свою многовековую историю и фантастические взлеты – один Вавилон чего стоит! – и времена почти первобытной дикости. Ведь нам только кажется,

что случившееся тысячу лет назад там и осталось! Нет, оно влияет, вмешивается в наше сегодня...»

Между тем вторые ворота открылись, откуда-то сбоку появились несколько человек в военной форме, и, когда машина поехала, они побежали рядом. Это были офицеры охраны. Длинная аллея, обсаженная пальмами, вела к удивительно красивому дворцу. Дворец был не велик, но все эти переходы, стрельчатые окна и башенки делали его похожим на картинку из книжки восточных сказок.

Машина остановилась, один из офицеров открыл дверь и встал по стойке «смирно». Филатов вышел первым, за ним Аббас. Стоявшие у лестницы караульные хлестко ударили прикладами карабинов о каменные плиты. Одновременно открылась дверь, и вышедший из дворца офицер пригласил гостей войти.

«Меньше роты не дадут, дальше Кушки не пошлют! – вспомнил вдруг старую офицерскую поговорку Филатов. – Так что вперед!»

Саддам Хусейн принял гостя в прохладном кабинете, выходящем окнами на реку. Он был в военной форме, как и сидящие вокруг соратники, которых Филатов не знал.

– Как доехали? – спросил Саддам.

Говорил он тихо, почти шепотом, поэтому стоило ему открыть рот, как все вокруг замирали, затаив дыхание, чтобы не упустить ни одного сказанного хозяином слова. Переводил Аббас. Филатов в двух словах рассказал о маршруте.

– Надеюсь, что в следующий раз вы спокойно прилетите в наш багдадский аэропорт, – заметил Саддам. – Мы верим, Аллах не допустит гибели Ирака и его мужественного народа.

В кабинет бесшумно вошел человек, одетый как настоящий бедуин.

«Только верблюда не хватает!» – невольно подумал Филатов.

В руках вошедшего был поднос с блестящим серебряным кофейником и маленькими, на один глоток, чашечками. Почтительно кланяясь, он разлил кофе – вначале гостю, потом хозяйину и только после этого всем остальным.

– Попробуйте настоящий бедуинский кофе, – сказал Саддам. – Он так же крепок, как наша вера в победу, и горяч, как любовь иракцев к своей родине! Попробуйте и сравните с той мутной безвкусной жидкостью, что пьют под видом кофе наши враги.

Филатов сделал маленький глоток и почувствовал, впервые в жизни, наверное, подлинный вкус Востока – точно раскаленный воздух пустыни опалил гортань. Он сказал об этом, и Саддам в первый раз улыбнулся. Потом он заговорил, и это было уже серьезно.

– Советский Союз всегда помогал Ираку, всему арабскому миру в борьбе за свободу и независимость. И мы верим, что Россия поможет нам в тяжелую минуту. Россия была сильной в прошлом, будет сильной и впредь. Мы понимаем: у вас

сейчас к власти пришли новые люди. Мы видим: многие из них больше верят недавним врагам – американцам, чем старым друзьям на Востоке. Но разве американцам нужна сильная Россия? Разве не делают они все возможное, чтобы она навсегда осталась в положении униженного и просящего? А вот мы от души желаем вам могущества и процветания.

Потом Саддам перешел к делу. Ирак нуждается в помощи России, чтобы выйти из режима жестких санкций. Только Россия может разорвать кольцо международной изоляции. Как? В первую очередь донести до мирового сообщества правду об обрушившихся на страну бедствиях, о голоде и болезнях, об умирающих стариках и детях. Второе – убедить Европу изменить свою проамериканскую позицию и ослабить санкции. Партия победила на выборах в парламент, имеет определенное влияние в мире. Партия может помочь Ираку. А Ирак никогда не забывает тех, кто приходит к нему на помощь в трудную минуту! Как только санкции будут сняты, именно друзья Ирака получат возможность заработать на продаже нефти.

В ответной речи Филатов заверил господина Президента в поддержке и понимании, сказал пару слов про общность целей в борьбе с американской мировой гегемонией и пообещал от имени Партии и ее Вождя сделать все возможное для помощи братскому иракскому народу. Затем он извлек из папки привезенные документы и передал господину Президенту. В них был план внешнеполитических акций Партии

подготовленный в Москве. Саддам сказал, что внимательно с ними ознакомится, а пока просит дорогого гостя воспользоваться его гостеприимством. Это означало, что, пока иракцы будут готовить ответ, Филатову придется сидеть в Багдаде. На этой, как говорится, оптимистичной ноте аудиенция закончилась.

Глава 5

Всю обратную дорогу Аббас, вдохновленный успехом переговоров, расхваливал Россию, Партию и Филатова лично. Филатов улыбался и одобрительно кивал головой, особо не вникая в слова Аббаса. Его мысли были заняты анализом переговоров с Саддамом. Не имея возможности вести запись беседы, он постарался ее запомнить и теперь мысленно повторял наиболее важные моменты, одновременно структурируя информацию. Это было похоже на составление конспекта – лишние слова выбрасываем, факты оставляем. Так что про Тинни Филатов вспомнил только в холле «Эль-Рашида», когда увидел ее осиротевшую лавку.

– Что-то не так, господин Филатов? – спросил Аббас, заметив, что дорогой гость беспокойно озирается.

– Да, доктор Аббас, – ответил Филатов официальным тоном. – Я вчера познакомился с девушкой, она торговала в лавке. А сегодня на ее месте сидит какой-то мужчина, вместо сувениров висят сабли, а сама девушка исчезла.

Лицо Аббаса выразило самое неподдельное удивление.

– Вы хотите сказать, что вчера девушка была, а сегодня ее нет?

– Именно так. И весь товар в лавке поменялся.

Филатов подвел Аббаса к лавке Тинни и показал – здесь.

– Невероятно! – Аббас даже руками развел, показывая

свою полную растерянность. – А может быть, вы что-то перепутали, господин Филатов?

– Что значит перепутал? – Филатов начал злиться. – Сегодня утром я два раза обошел все лавки!

– Ну я не знаю... Может, девушка случайно зашла в «Эль-Рашид» посмотреть сувениры, а вы подумали...

– Доктор Аббас! – перебил Филатов. – Я более чем уверен, что вам подробно обо всем доложили.

– О чем, господин Филатов? Позвольте заверить вас, что Министерство иностранных дел, которое я представляю...

Филатова окончательно вывело из себя поведение Аббаса, который, конечно же, все знал, но изображал из себя дурака. Точнее, пытался выставить дураком его, Филатова.

– Вы за кого меня принимаете, доктор Аббас? Я приехал в Багдад по приглашению вашего Президента!

– Конечно, господин Филатов.

– И после этого, какой-то тупой охранник, не понимающий ни слова по-английски, задерживает девушку, которую я пригласил к себе в гости.

– Но в гостинице есть определенные правила...

– Значит, я немедленно съезжаю отсюда! Или вы считаете, что я позволю кому-то решать, как мне проводить свободное время?

Аббас явно не ожидал такой бурной реакции. И ладно, если бы этот русский скандалил где-нибудь в номере, а то прямо в холле, когда вокруг полно глаз и ушей.

– Вы все не так поняли, господин Филатов...

– Я-то все понял, доктор Аббас, а вот вы нет! Я вам не какой-то там шпион или враг народа, а депутат российской Государственной думы! И позволю себе заметить, что полчаса назад меня принимал лично Саддам Хусейн!

Филатов специально говорил громко, и при звуках грозного имени все присутствующие в холле как по команде вскочили и замерли по стойке «смирно».

«Будь здесь пара журналистов с камерой, – подумал Филатов, – я бы тебя, козла, на весь мир прославил!»

Но журналистов рядом не было, так что приходилось рассчитывать только на собственные силы.

– И если вы немедленно, слышите, доктор Аббас, немедленно не освободите девушку, которую арестовали безо всякой причины, то я сообщу об этом вопиющем безобразии вашему Президенту! Я понятно говорю?

Лицо Аббаса пошло красными пятнами, он подошел к телефону и долго говорил на арабском, сопровождая некоторые фразы, суть которых Филатов не понимал, бурной жестикуляцией. Филатов с независимым видом стоял рядом. Он понимал всю серьезность ситуации и не собирался отступить. Ведь помимо того, что милая девушка Тинни попала в беду, на карту был поставлен его авторитет.

«Иракцы не такие безобидные зайки, какими хотят казаться! – размышлял он. – Им только дай палец – останешься и без руки, и без головы. В истории с Тинни меня грубо

поставили на место – сиди, мол, в своем номере и не высывайся! Со мной обошлись не как с другом иракского народа, а как с мелким заезжим коммивояжером. И если я это проглочу, то вести серьезные переговоры будет сложно. Да и смотреть на себя по утрам, когда бреешься, противно. Так что...»

– Все в порядке, господин Филатов, – прервал его мысли Аббас. – Считайте, что девушка уже дома.

– Очень хорошо! Когда я смогу ее увидеть?

– Это очень сложно организовать...

– А вы постарайтесь!

И Филатов, не дожидаясь ответа, пошел к лифту. Все, что следовало сказать, он сказал, и теперь продолжение разговора с Аббасом могло ослабить его позиции.

– Господин Филатов! – послышался за спиной голос Аббаса.

– Вы найдете меня в номере, – не оборачиваясь, ответил Филатов и зашел в лифт.

Остаток дня Филатов провел за работой – сделал запись беседы, составил отчет, позвонил в Москву и кратко доложил Вождю о результатах. Он решил вообще не выходить из номера, чтобы показать Аббасу и его начальникам всю меру своего возмущения. Это была своего рода игра на нервах.

«Аббас сейчас пытается вычислить, как далеко я пойду: подожду немного и успокоюсь, проглотив обиду, или действительно пожалуюсь президенту. Саддам ведь непредска-

зуюм – может орден за бдительность дать, а может совсем наоборот. Скажет – что ж это вы, доктор Аббас, моего гостя обижаете? И не останется от бедняги даже скромной могилки...»

Филатов прошелся по номеру, заглянул в холодильник, где лежало шампанское, вспомнил, как ждал Тинни, и решил обязательно познакомиться с ней поближе.

«А пока я должен твердо стоять на своем! Что бы там они ни говорили о вечной дружбе, уважают на Востоке только силу. Как, впрочем, на Западе, Севере и Юге! – Филатов засмеялся. – Так что дело здесь даже не в Тинни, а во мне самом. Один раз дашь слабинку, потом всю жизнь на тебе ездить будут...»

Однако ожидание затягивалось. То ли нервы у Аббаса были крепче, чем казалось, то ли неповоротливая бюрократическая машина никак не могла сдвинуться с места. Филатов уже закончил все дела, а никто так и не позвонил. Ходить из угла в угол, нервно глядя на часы, было не в правилах Филатова, и он по телефону заказал себе ужин. Пусть враги видят, что у него все в порядке!

Однако не успели два почтительных официанта накрыть стол, как позвонил Аббас:

– Вас не затруднит спуститься вниз, господин Филатов?

– Я вообще-то собираюсь ужинать, – ледяным тоном ответил Филатов. – Но если вы решили вопрос с...

– Решил, господин Филатов, – перебил его Аббас.

Филатов понял – Аббас по какой-то причине не хочет упоминать девушку в телефонном разговоре. Ну что ж, ему видней. Филатов накинул пиджак и вышел из наполненного аппетитными запахами номера. Аббас, как всегда, ждал в холле, но, когда они вышли на улицу, вместо привычного лимузина там оказалось самое обычное такси. Аббас открыл заднюю дверцу, приглашая Филатова, сам сел вперед, и они поехали.

Первое время Филатов старался следить за маршрутом, но быстро потерял ориентацию в лабиринте темных улиц. Минут через двадцать добрались до места. Это был большой дом неопределенного возраста и архитектуры. Где-то на верхнем этаже светилось несколько окон, а в остальном дом казался заброшенным.

Аббас сказал что-то торчащему в дверях типу, и они прошли внутрь. Потом была лестница – такая же темная и мрачная, как весь дом, и еще одна дверь, за которой оказался большой зал, забитый публикой. Здесь курили кальян. Между столами пробирались служители с тлеющими углями в ведерке и щипцами, ароматный дым клубился под потолком.

В дальнем углу была устроена выгородка для желающих уединиться, и там Филатов встретился с Тинни. Она сидела за пустым столом, одна, и пила чай. Увидев Филатова, встрепнулась, сделала движение навстречу, привстала, но быстро взяла себя в руки и опустилась на стул. Собственно говоря, иного в присутствии Аббаса, который остался стоять в две-

рях, ждать не приходилось.

– Как дела, Тинни? – спросил Филатов, садясь напротив.

– Все хорошо, Александр.

Голос Тинни немного дрожал, однако в целом она держалась молодцом. Филатов всмотрелся в лицо девушки – нет ли синяков, проверил запястья, где остаются следы от наручников, но ни синяков, ни следов не было. Тинни все поняла и от проявленной заботы чуть не заплакала.

– В твоей лавке теперь висят какие-то сабли, – улыбнулся Филатов, – и сидит усатый мужик с газетой.

– Это не страшно. Там все равно никакой торговли не было.

– Зато там сидела самая красивая девушка Багдада!

Тинни ничего не ответила и опустила глаза. Сзади послышался голос Аббаса:

– Прошу прощения, господин Филатов, но нам пора идти.

– Мы уйдем, когда я сочту нужным, – не оборачиваясь, ответил Филатов.

Он победил и собирался насладиться победой. Но Тинни посмотрела на него так выразительно, что сразу стало ясно: надо уходить, иначе у нее будут большие неприятности.

– Я была очень рада увидеть вас, – сказала Тинни, и это было прохоже на прощание.

– Надеюсь, в следующий раз времени будет побольше!

Филатов повернулся к Аббасу и многозначительно смерил взглядом – попробуй, мол, помешать. Аббас неопределенно

пожал плечами – я-то здесь при чем? Они вышли из выгородки, пробираясь сквозь дым, пересекли зал и снова оказались на темной лестнице.

– Я сделал, как вы проси... – Аббас быстро поправился: – Как вы сказали. И, честно говоря, далось это мне нелегко.

– Спасибо, доктор Аббас, – ответил Филатов, – но подобные конспиративные встречи не столько успокаивают, сколько внушают опасения.

Аббас остановился так резко, что Филатов едва не налетел на него.

– Если хотите чего-то большего, – зло сказал он, – то вам придется лично обратиться к моему руководству.

– С удовольствием! Честно говоря, меня удивляет, почему вы не устроили такую встречу раньше.

– Завтра же, господин Филатов, вы получите возможность высказать все свои пожелания на самом высоком уровне.

В глазах Аббаса вспыхнула ненависть – еще немного, и в горло вцепится. Но Филатов только усмехнулся.

– Буду весьма признателен, доктор Аббас!

Они молча спустились вниз, молча сели в такси и молча доехали до гостиницы. Аббас холодно попрощался с Филатовым, даже не стал из машины выходить, и сказал, что утром заедет ровно в десять.

Поднявшись в номер, Филатов нашел там свой нетронутый и совершенно остывший ужин. Но есть не хотелось. Странное двойственное ощущение мешало порадоваться по-

беде. Вроде бы удалось добиться всего, что планировалось: и силу свою показал, и девушке помог. Однако осталось какое-то необъяснимое внутреннее беспокойство. Филатов попытался разобраться в его причинах, но, так и не найдя ничего стоящего внимания, отправился спать. Интуиция – она ведь иногда тоже подводит...

Глава 6

Говоря о встрече с руководством доктора Аббаса, Филатов имел в виду какого-нибудь высокопоставленного чиновника из спецслужб. Однако его привезли в Министерство промышленности к тому самому Хусейну Камелю, зятю Саддама, увидеться с которым так хотел Рудольф Кеган. Это несколько озадачило Филатова – при чем здесь промышленность? Но потом понял – он ведь гость Саддама, значит, и все проблемы, с ним возникающие, решаются на самом высоком уровне. Камель не стал особо разводить дипломатию и разыгрывать удивление – да что вы говорите? неужели так прямо и пропала? – а сразу перешел к делу.

– Мистер Филатов, я прекрасно понимаю ваше недовольство. Но и вы поймите нас. Ирак находится в очень тяжелом положении, практически в состоянии войны.

– Именно поэтому я здесь, господин Камель, – ответил Филатов, – и полагаю, вы знаете о моей миссии.

– Безусловно, господин Филатов! И поверьте, все мы очень высоко ценим вашу помощь. Как говорят у вас в России, друзей узнают по беде!

– Друзья познаются в беде, господин Камель. Но разве безопасность Ирака пострадает, если взрослая арабская девушка вечером зайдет в гости к русскому депутату?

– Разумеется, ничего плохого в этом нет. Но, как вы

помните, в тот вечер были приняты особые меры безопасности, все старались как можно лучше выполнить свой долг и, как говорят у вас в России, согнули палку. Я правильно сказал?

– Почти, господин Камель. Мы говорим: перегнули палку, то есть перестарались, допустили ошибку.

– Совершенно верно, господин Филатов. Именно ошибку! Безо всякого, поверьте, злого умысла.

– Можно ли эту ошибку исправить, господин Камель?

– Я приложу к этому все усилия. Но у меня будет к вам небольшая просьба, господин Филатов.

Филатов насторожился – все, что Партия планировала сделать для Ирака, изложено в бумагах, переданных Саддаму. Говорить о чем-то большем он не уполномочен.

– У нас возникли серьезные проблемы с наличными деньгами, господин Филатов. Печатное оборудование изнашивается, а новое мы не можем купить из-за санкций, – Камель достал бумажник и вынул несколько помятых, затертых купюр с портретом Саддама Хусейна. – Посмотрите, в каком они состоянии. Иногда даже трудно понять, какой номинал обозначен.

– Да, деньги, конечно, поизносились, – согласился Филатов. – Но при чем тут я?

– Мы хотим купить новое печатное оборудование, соответствующую бумагу, специальные краски, – Камель убрал купюры в бумажник. – И очень рассчитываем на вашу по-

мощь.

Филатов все понял – ему предлагали простой обмен: он помогает в обход санкций привезти в Ирак оборудование для печати динаров, а ему возвращают Тинни. Насколько равноценен этот обмен? Тинни, конечно, хороша, но услуга, о которой просит Камель, стоит куда дороже одной, даже очень красивой девушки.

«Отказаться? Нет! Если уж взялся спасти – надо спасать, – решил Филатов. – К тому же после чудесного вызволения из плена Тинни не сможет мне ни в чем отказать!»

Принятие решения заняло не больше нескольких секунд, но виду Филатов не показал. Наоборот, изобразил самое искреннее удивление.

– Господин Камель, вы обратились совершенно не по адресу. Я депутат, политик, а не специалист по печатным станкам.

– Зато вы друг иракского народа, господин Филатов. К тому же имеете обширные связи. А я со своей стороны немедленно займусь вашей проблемой.

Камель открыл одну из лежащих на столе папок, и Филатов увидел на первой странице фотографии Тинни. И это были не просто фотографии, а настоящий тюремный фас-профиль.

«Весомый аргумент! – подумал Филатов, стараясь остаться равнодушным. – Бедная Тинни... Однако так грубо давить мне на психику не надо!»

– Мы могли бы вполне обойтись без этого, господин Камель, – сказал Филатов, указывая на вроде бы невзначай показанные фотографии.

Ему совершенно не понравился столь явный шантаж. Если его считают другом иракского народа и рассчитывают на помощь, то нечего дешевые представления устраивать!

– Что вы имеете в виду, господин Филатов? – удивился Камель, немного смутившись.

– Полагаю, мы прекрасно поняли друг друга, господин Камель, – холодно ответил Филатов.

И встал первым, лишив хозяина возможности показать, что аудиенция закончена. Пусть знает, что лучше мирно договариваться, чем в игры играть!

Всю обратную дорогу Филатов перебирал в уме своих знакомых, пытаясь понять, кого из них можно привлечь к решению задачи. Умеющих делать деньги было сколько угодно, некоторые даже умудрялись добывать их из воздуха, но вот специалистов по изготовлению купюр не было. Однако в «Эль-Рашиде» вопрос решился сам собой – первым, кого он увидел, войдя в холл, оказался мрачный Кеган, направляющийся в сторону бара.

«Кеган! Словения! – осенило Филатова. – Мы там несколько раз печатали брошюры к выборам!»

Он догнал приятеля и хлопнул его по плечу:

– Рудольф, привет!

– О, Александр! Рад тебя видеть! – обрадовался Кеган. –

Как твои дела?

– Мои дела хорошо, а твои еще лучше!

– Что ты хочешь сказать?

– Считай, что Камель у тебя в кармане!

– Камель? В кармане? – Кеган не сразу понял, что Филатов имеет в виду. – Ты хочешь сказать, что поможешь мне с ним встретиться?

Они прошли в бар, и Филатов подробно обрисовал ситуацию, разумеется, не упоминая Тинни. Кеган слушал внимательно, не прерывая. Потом долго жал Филатову руку и обещал не забыть товарища при дележе прибыли. Они выпили за успех дела, Филатов позвонил Аббасу и передал телефон Кегану – пусть сами договариваются о встрече...

Когда Кеган уехал, Филатов немного прогулялся по улице, наблюдая жизнь простого народа, бедствия которого так подробно описывал при встрече Саддам. Он знал, что лица людей могут сказать внимательному наблюдателю гораздо больше, чем полтора десятка газет и два включенных телевизора. Жизнь действительно была не простой. Нужда – она ведь, сколько ни скрывай ее, видна. Вроде бы все были одеты нормально, в голодный обморок никто не падал, нищие не приставали, а тяжесть блокадной жизни выпирала. Впрочем, виду никто не показывал, особенно перед любопытным иностранцем. И это была столица, Багдад. Филатов представил себе, как живут на окраинах страны, и загрустил.

Дойдя до заросшей травой воронки с торчащими облом-

ками бетона, Филатов остановился. До войны здесь был отличный ресторан с настоящей арабской кухней, а теперь царило запустение. Зачем восстанавливать, если у местных нет денег ходить по ресторанам, а иностранцы вообще в Багдад не приезжают? Подумав о еде, Филатов вспомнил свой вчерашний несъеденный ужин и расстроился: несколько человек могли бы утолить голод этим ужином, а он даже к нему не притронулся! Филатов постоял еще немного у воронки, рассуждая о превратностях войны, и пошел обратно.

Вечером в номер постучали. «Неужели Тинни?» – встретился Филатов.

Он отложил бумаги и поспешил к двери, на ходу застегивая рубашку. Однако вместо Тинни он увидел Рудольфа. Тот был сильно чем-то взволнован и, как показалось Филатову, немного испуган.

– Это очень грязная история, Александр! – сказал он, когда Филатов запер дверь.

– Только бизнес! – решительно возразил Филатов. – Ты решил заработать большие деньги, обходя санкции, и надеялся при этом не испачкаться?

– Не в том дело, нет. Я прекрасно понимал, что здесь придется пойти на определенные моральные издержки...

«Вот ведь любят они в Европе придумывать красивые названия своим дурным поступкам! И Кеган такой же, хоть и славянских кровей. Собирается заниматься контрабандой, потом наверняка деньги отмывать придется, насчет уклоне-

ния от налогов и говорить нечего, а все про моральные издержки бормочет. Как дети прямо...»

– Да, я был морально готов в чем-то немного поступиться точным исполнением некоторых положений законодательства... – не унимался Кеган.

– Ты сам-то понял, что сказал? – не выдержал Филатов.

Кеган осекся, взял себя в руки и, нагнувшись к Филатову, прошептал:

– Они не собираются печатать динары.

– А что? Талоны какие-нибудь на сахар и водку, как у нас во время дефицита?

– Доллары...

– Что доллары?

– Им нужно оборудование, на котором можно печатать доллары!

– Что, Камель прямо так и сказал?

– Нет, он дал мне подробную спецификацию, и все сразу стало ясно. Я ведь два года учился на специалиста по печатному оборудованию.

Кеган долго и горячо говорил о разных сортах бумаги, сыпал терминами и даже пытался написать какую-то химическую формулу, но главное, что понял из всего этого выступления Филатов, была твердая убежденность Рудольфа Кегана в намерениях Хусейна Камеля шлепать фальшивые доллары. Иначе им не понадобилось бы такое сложное, высококачественное оборудование.

– Ну и пусть печатают! – перебил его Филатов с самым серьезным видом. – Представь себе стодолларовую бумажку, а вместо Бени – Саддам с усами!

– Вместо кого? – растерялся Кеган.

– Ну вместо Бенджамина Франклина! – еще более серьезно пояснил Филатов. – По-моему, красиво получится.

– Что ты такое говоришь, Александр?!

– Почему, собственно говоря, одни американцы делают доллары? Если это мировая валюта, то и выпускать ее должны все страны! Из расчета тысяча баксов на душу населения в год.

От такого неожиданного предложения Кеган лишился дара речи, а Филатов уверенно продолжал:

– Ты сюда приехал заработать денег, так? Кеган кивнул.

– С нефтью у тебя ничего не получилось, так? Кеган кивнул еще раз.

– Но взамен тебе предложили другой бизнес. Вместо нелегального вывоза нефти надо будет в обход санкций провезти в Ирак оборудование. Так в чем тут разница?

– Как в чем? – растерялся Кеган. – Одно дело – нефть и совсем другое – фальшивые доллары...

– Разницы никакой нет! И то и то всего лишь востребованный на рынке товар. Просто ты с чисто европейским двуличием пытаешься и рыбку съесть, и ножки не промочить!

Филатову начал надоедать этот спор. К тому же старый приятель Кеган, с которым так приятно было выпить водки и

поговорить по-русски, все больше и больше раздражал Филатова.

– Я не ем рыбу, – попытался возразить Кеган, от волнения забывший, что в русском языке сказанное не всегда надо воспринимать дословно, но Филатов, не давая ему опомниться, усилил нажим:

– Тем более, что после успешного завершения сделки тебе дадут возможность подзаработать и на нефти!

– В этом ты прав, Александр! – оживился Кеган. – Камель мне так и сказал: вы станете моим личным другом, Рудольф, а друзьям я ни в чем не отказываю!

– И ты еще сомневаешься?

– Но это же незаконно! Фальшивые доллары подрывают мировую финансовую систему!

– А ты что, сам будешь эти доллары печатать и систему подрывать? Ты просто покупаешь в одном месте некое оборудование, потом продаешь в другом месте. И тебя совершенно не касается, для чего это оборудование будут использовать. Разве торговец оружием является соучастником убийства, совершенного из проданного им пистолета? А продавец автомобильных шин? По-твоему, на его руках кровь задавленных пешеходов?

Кеган пробормотал что-то невразумительное и стал с мрачным видом мерить шагами номер.

– Впрочем, – сказал Филатов, немного подумав, – никто тебя не заставляет принимать участие в этой, как ты гово-

ришь, очень грязной истории.

– Но ты же сам предложил... – растерялся Кеган.

– Именно предложил! Хочешь – делай, не хочешь – не делай.

– А как же оборудование?

– Оборудование поставит кто-нибудь другой. На днях я возвращаюсь в Москву, вот там и поговорю.

Филатов несколько не лукавил, говоря это. Да, вариант с Кеганом был самым простым – вот он, Кеган, вот он, Камель, оба в Багдаде, остается только договориться. Простым, но далеко не единственным. Надо было просто хорошенько подумать. А думать Филатову нравилось больше, чем спорить о морально-этическом аспекте изготовления фальшивых долларов.

– Не надо в Москву! – Уплывающая из рук прибыль придала Кегану решительности. – Я все сделаю сам!

Они прямо из номера позвонили по телефону, оставленному Камелем, и Кеган дал согласие на сделку. Филатов облегченно вздохнул – вроде все! Однако Кеган пока не собирался уходить, поскольку не был до конца уверен в правильности своего поступка и с удовольствием поговорил бы еще. Но Филатов сослался на срочные дела и проводил его до двери.

«Кто-то скажет, что я из личных интересов вовлек честного бизнесмена в преступную сделку, – подумал Филатов, запирая дверь. – А я отвечу, что он все решил сам, имея

целью получить сверхвысокую прибыль, не доступную в легальном бизнесе. Меня при этом интересовало только спасение из застенков невинной девушки! Невинной? Это я, пожалуй, утверждать не возьмусь, а вот что невиновной – это точно!»

Глава 7

На следующий день утром возле номера Филатова снова появился мрачного вида охранник. Это могло означать только одно – Саддам пожелал увидеться еще раз. Но зачем? Этого Филатов понять не мог. Невольно возникли опасения, а не слишком ли рьяно он выступил в защиту Тинни? Да, Ирак в нем нуждается сейчас, но спецслужбы остаются спецслужбами. Кто знает, кому он там наступил на мозоль своей, прямо скажем, нагловатой настойчивостью? Ведь во все времена их негласным девизом было: незаменимых людей не бывает. Если ты встал у них на дороге – сметут и не заметят.

Но ведь за его спиной стоит Партия, единственный шанс Ирака! Это так, но никакая Партия не может сделать его бессмертным. Авария на дороге, несчастный случай, потом трогательные соболезнования родным и близким покойного и, конечно же, душераздирающее письмо Вождю. Филатов буквально увидел его, как будто только что сам написал: «Остановилось героическое сердце пламенного борца за свободу Ирака! Но все мы стали только сильнее, ибо такие герои указывают нам путь к победе. Имя великого русского друга навечно вписано в память иракского народа!»

Филатову вдруг стало смешно – ну какой из него мученик революции? Он представил себе, как Вождь на очередном совещании предлагает почтить его память минутой мол-

чания, товарищи по Партии дружно встают и замирают с приличествующим случаю постным выражением лица. А думать, между прочим, будут об одном: кого Вождь пошлет в этот чертов Ирак поднимать знамя, выпавшее из его, Филатова, ослабевшей руки?

Сразу стало легче. Неприятный озноб, охвативший Филатова при мысли о возможной смерти, сменился ощущением легкости. Пусть такие как Кеган боятся сделать шаг в сторону или сказать лишнее слово, он будет поступать только так, как считает правильным. И не важно, что сюда его прислал Вождь отстаивать интересы Партии, важно в любой ситуации оставаться свободным человеком. То есть самим собой.

Потом в пустом зале, где Филатов с аппетитом завтракал, появился взволнованный Кеган. Беспокойно озираясь по сторонам, он сообщил, что договорился с Камелем и со дня на день, как только будут согласованы технические подробности, собирается ехать домой. Самое сложное, по словам Кегана, было не столько купить оборудование и расходные материалы, сколько привезти его в Ирак. Филатов пообещал приятелю всяческую помощь, пожелал удачи и попросил держать в курсе событий.

«С этими долларами Саддам хочет убить сразу двух зайцев, а лучше сказать – Микки-Маусов: и врагам сделать гадость, вбросив на рынок изрядное количество фальшивой валюты, и деньгами на жизнь разжиться. Вы мне, мол, не дадите нефть продавать за ваши доллары, так я их себе сам на-

рисую и у вас же все, что мне надо, куплю!»

Днем Филатов составил подробный отчет о переговорах. Теперь он был готов к любому повороту событий и пребывал в отличном расположении духа. Это не осталось незамеченным приехавшим ближе к вечеру Аббасом. Он подозрительно посмотрел на Филатова и задумался.

– Как хорошо, что ваш исторический музей работает по ночам, – сказал Филатов, когда они садились в машину.

– По ночам? – опешил Аббас. – Почему вы так решили?

– Так мы ведь сейчас туда едем?

– Вы ошиблись, господин Филатов, – холодно ответил Аббас и отвернулся.

Филатов откинулся на кожаную спинку и стал любоваться мелькающим между домов багровым закатным солнцем. Редкие машины не мешали их безостановочному движению, и вскоре центр Багдада остался позади. Филатов понял – они едут совсем не туда, где встречались с Саддамом в первый раз. Впрочем, это нисколько его не удивило – Саддам мог принять его в любом из своих многочисленных дворцов и резиденций. Говорили, что он даже не спит два раза подряд в одном месте, опасаясь коварного ночного покушения.

Когда они выехали из города, стрелка спидометра, перевалив отметку сто, поползла вправо. Аббас молчал, Филатов смотрел в темное окно и вспоминал ничем не примечательный подъезд старого дома в Хамовниках, где на последнем, пятом этаже за гулкой железной дверью его каждый четверг

ждет два часа безмятежного покоя.

«Если все закончится нормально, – пообещал себе Филатов, – как вернуться в Москву, сразу туда поеду!»

Потом в темноте, справа от дороги, появился огонек. Он становился все больше и больше, пока не превратился в ярко освещенный белый забор с глухими железными воротами. Судя по всему, это был очередной дворец Президента. Машина въехала внутрь, однако никто не побежал с ней рядом, как было в прошлый раз. И это показалось Филатову странным.

«Может, никакой это не дворец, а совсем наоборот? – подумал он, озираясь. – Сейчас заломят руки и в подвал! Назначат американским шпионом, выбьют показания, а потом инсценируют самоубийство раскаявшегося предателя. Или просто объявят пропавшим без вести – гулял, мол, в пустыне, заблудился по глупости и был съеден голодными хищниками! Ну что ж, от судьбы не уйдешь...»

Машина проехала по аллее из ровных, точно подстриженных, пальм и остановилась у дома. Он оказался значительно меньше первого дворца и совсем не напоминал логово спецслужб. Особенно внутри – такой вызывающей роскоши Филатов еще не видел, хотя не раз бывал в гостях у самых отъявленных богачей. Это были какие-то сказочные чертоги – с журчащими фонтанами, резным мрамором, тускло мерцающей золотой отделкой и молчаливыми слугами, точно окаменевшими в глубоком поклоне. Под ногами мягко пружи-

нил ковер, и в первый момент Филатову показалось, что он идет по густой траве.

Аббас молча проводил Филатова через холл и распахнул дверь, пропуская гостя вперед. Филатов зашел внутрь, и дверь за его спиной тотчас закрылась. Он быстро обернулся – Аббаса рядом не было. Филатов пожал плечами и с независимым видом осмотрелся. Это был небольшой круглый зал, совершенно не похожий на кабинет. Тусклый свет прикрытых разноцветным стеклом ламп, причудливая восточная мебель, неизменный фонтан, огромная кровать под балдахинном и тонкий аромат неизвестных Филатову благовоний.

«Или Саддам решил принять меня в спальне, что кажется совершенно невероятным, – подумал Филатов, – или меня уже убили и я, сам того не зная, попал прямо в рай! При чем, судя по обстановке, рай мусульманский. Только гурий не хватает...»

И, словно в подтверждение этого безумного предположения, откуда-то сбоку бесшумно появилась закутанная с ног до головы женская фигура. Она приближалась, и совершенно растерянный Филатов видел, как тончайшая, почти прозрачная ткань облегает каждый изгиб ее тела.

«Не понял...» – только и смог подумать он.

– Добрый вечер, Александр...

Фигура говорила голосом Тинни, и Филатов сразу все понял: Камель сдержал слово и рассчитался с ним, рассчитал-

ся с чисто восточной щедростью. Он не просто освободил девушку, но и предоставил место для общения. Значит, все было рассчитано и сделано правильно!

– Привет, Тинни! Ты не представляешь, как я рад тебя видеть!

Тинни открыла лицо, и они поцеловались, пока легко, чуть коснувшись губами, но пробежавшая искра заставила обоих вздрогнуть.

– У тебя все в порядке? – спросил Филатов, всматриваясь в лицо девушки.

– Да, – Тинни улыбнулась. – Извини, что я тебе столько хлопот доставила...

– Лучше ты меня извини. Я, честно говоря, в тот вечер лишнего выпил...

– И я благодарю судьбу за это!

– За то, что я выпил? – удивился Филатов. – Но почему?

– А иначе ты не зашел бы ко мне в лавку... – Тинни опустила глаза.

– Еще как зашел бы! Я ведь тебя сразу заметил, еще до того, как в баре побывал.

– Я тебя тоже. Ты был такой целеустремленный и решительный!

– А ты такая красивая!

Тинни отвела Филатова к столу и стала угощать разными восточными деликатесами. Но он пребывал в предвкушении и не обращал особого внимания на еду. В конце концов, по-

есть можно в любом другом месте, а вот оказаться в постели с Тинни – только здесь и сейчас. Особую прелесть происходящему придавали многочисленные трудности, которые пришлось преодолеть Филатову, прежде чем оказаться наедине с девушкой в этом сказочном дворце. Ведь давно известно: чем трудней получить, тем больше хочется!

Они еще немного поговорили, и Тинни долго смеялась, когда Филатов рассказал о том, что в первый момент принял ее за гурию, а круглый зал – за мусульманский рай. Ну а дальше все получилось точно так, как хотел Филатов, и это оказалось даже лучше, чем он представлял, пока ждал Тинни в номере...

Проснулся Филатов в пустой постели – Тинни исчезла. Филатов несколько раз позвал ее, но, увы, безрезультатно. Он встал и быстро осмотрел комнату – никаких следов Тинни, точно вся ночь ему приснилась. А это что? Письмо? Действительно, на столе лежал небольшой голубой конверт. Письмо оказалось очень коротким: Тинни благодарила за волшебную ночь, вообще за все, что он для нее сделал, потом следовало несколько нежных слов и приписка – не волнуйся, теперь у меня все будет хорошо.

Филатов тяжело вздохнул: только найдешь женщину по душе, красивую, страстную, только насладишься ею, как ее уже нет рядом. Ну да ладно! Было – и хорошо, пора двигаться дальше. В конце концов, он добился своего, победил, и это было здорово! Филатов быстро умылся, оделся и вышел

в холл. Там его ждал завтрак, который Филатов оценил по достоинству, ибо ничто так не улучшает аппетит, как ночь, проведенная с женщиной.

Когда Филатов наслаждался кофе, почти таким же, какой был у Саддама, появился Аббас. Казалось, все это время он стоял за дверью, дожидаясь, пока можно будет зайти. Он привез объемистый конверт с большой президентской печатью. Это был ответ Саддама на предложения Партии.

– Господин Президент передает вам свою сердечную благодарность за помощь иракскому народу, господин Филатов! – сказал Аббас, почтительно вручая высочайшее послание. – И желает легкой дороги!

– Передайте господину Президенту, что наша Партия сделает все возможное, чтобы помочь Ираку в его борьбе, доктор Аббас! – ответил Филатов, придав лицу выражение торжественности.

На этом официальная часть закончилась, и Аббас заговорил о более приземленных вещах:

– Сегодня вас отвезут на иорданскую границу. Дальше вам придется ехать самостоятельно. Очень сожалею, но мы не можем проводить вас до самолета.

– Никаких проблем, доберусь, – махнул рукой Филатов. – Однако мне хочется быть уверенным, что Тинни и ее семья с этого дня не будут иметь никаких проблем.

– Это в наших общих интересах, господин Филатов, – ответил Аббас.

Глава 8

Вернувшись в Москву, Филатов узнал, что его жена Марина наконец-то получила место специального корреспондента телепрограммы «Вести». Начались частые командировки со скоротечными ночными выездами и неожиданными звонками: «Привет, я тут в Белграде застряла...» Если раньше только Филатов редко появлялся дома из-за своей бурной политической деятельности, то теперь их встречи вообще приобрели случайный характер. Честно говоря, отношения Филатова и Марины давно носили скорее дружеский, нежели супружеский характер, так что ничего особенного не произошло, все как бы встало на свои места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.